

На следующее утро красавец рассказал императору о своём сне, и тот сразу же вызвал придворного врача. Врач, проверив пульс красавца, опустился на колени и поздравил:

— Поздравляю ваше величество, госпожа Чжаои беременна!

Император, обрадовавшись, объявил всеобщую амнистию.

Беременность госпожи Чжаои вновь вызвала бурю среди министров. Этот скрытый конфликт не утихал, и хотя ранее он был временно подавлен благодаря настойчивости императора и некоторым компромиссам, теперь беременность красавца стала искрой, которая взорвала бочку с порохом. На собрании один из министров, забыв о придворном этикете, открыто спросил императора:

— Ваше величество, помните ли вы, что женившийся на хунну Жун-ван был вашим родным братом?!

Эти слова были жестокими. Во-первых, они напоминали, что красавец был женат на хунну и всё ещё должен был соблюдать траур, а во-вторых, подчёркивали кровное родство между красавцем и императором. Как их ребёнок мог быть принят обществом?

Лицо императора побелело, а его глаза стали тёмными, как чёрный нефрит. Этот министр был лишь марионеткой в чьих-то руках, но, не боясь за свою жизнь, продолжил:

— Если этот ребёнок родится, как ваше величество намерен обращаться с госпожой Чжаои и её дитя?!

В зале воцарилась тишина. Все знали, что у императора сейчас только двое детей, и те были от госпожи Жунхуа, которая находилась в опале. Госпожа Чжаои, сама привезя с собой безымянного ребёнка, теперь носила императорское дитя. Никто не мог не задуматься. Император так благоволил к госпоже Чжаои, неужели он намерен сделать её ребёнка наследником престола? Это стало бы позором для всей династии Хань. Братья, вступившие в кровосмесительную связь, осквернили бы императорскую кровь.

Император долго молчал, а затем произнёс:

— Собрание окончено.

Евнух громко объявил:

— Собрание окончено!

Министры, недовольные, покинули зал, а некоторые из них, возмущённые, окружили Великого наставника. Тот, не сказав ни слова на собрании, теперь тоже не хотел говорить, лишь покачал головой:

— Господа, возвращайтесь домой.

На следующий день император отменил утреннее собрание и пригласил Великого наставника во дворец. Он навестил императрицу и её приёмного сына. Великий наставник, не пытаясь угадать намерения императора, вёл себя почтительно и осторожно. Император хотел, чтобы Великий наставник нашёл подходящего человека для обучения маленького принца. Великий наставник сказал:

— Принц Цзин ещё слишком мал, не рано ли, ваше величество?

Император, поглаживая голову двухлетнего принца, покачал головой:

— Нет, не рано. Я доверяю выбору Великого наставника.

На третий день император на собрании объявил, что учителем принца Чжао Цзина станет доверенное лицо Великого наставника. Император повысил его в должности и строго наказал, как будто принц Цзин был очень важен. В зале, естественно, были сторонники Великого наставника, и теперь они не могли понять намерений императора. Но ведь ребёнок госпожи Чжаои ещё не родился, а вдруг это будет девочка?

Скрытые течения продолжали бурлить. Министры разделились на три группы: первая, во главе с Великим наставником, предпочитала выжидать и не высказываться; вторая, возглавляемая Великим маршалом, яростно выступала против, желая изгнать красавца из Лояна; третья, не примыкавшая ни к одной из сторон, с точки зрения отношений между правителем и подданными, отцом и сыном, объективно анализировала, какой вред может принести стране ребёнок красавца, но также объективно хвалила его вклад в мир с хунну.

Император слушал их споры две недели и, наконец, принял решительные меры, объявив принца Чжао Цзина наследником престола. Теперь сторонники Великого наставника естественно поддержали императора, нейтралы сочли его действия решительными, а сторонники Великого маршала оказались в изоляции. Спорить дальше не имело смысла, ведь независимо от того, родится ли у госпожи Чжаои мальчик или девочка, это уже не имело большого значения.

В зале вновь воцарилось видимое спокойствие, но некоторые продолжали злобно следить за животом красавца, равно как и наложницы гарема, не получавшие внимания императора. Положение госпожи Чжаои не было таким прочным, как думал император.

Министры также разобрались в характере императора. Он не любил, когда они спорили, не любил, когда они обоснованно критиковали его. Император хотел, чтобы государственные дела шли так, как он задумал, чтобы все пошло на компромисс, и наступило бы спокойствие. Но действительно ли всё было так?

На шестой год правления императора, осенью, когда живот госпожи Чжаои был уже на четвёртом месяце, хунну прислали посла в Лоян.

Лоян был настороже, и Ханьский дворец был усиленно охраняем. Послом был Улэйжо, которого теперь шаньюй Фуло назначил правым князем Туци. Император не ожидал, что этот отпущенный пленник осмелится ступить в Ханьский дворец и открыто потребует возвращения людей.

На собрании ханьские министры краснели от стыда и молчали. Улэйжо, помимо передачи добрых намерений шаньюя Фуло установить дружеские отношения и торговлю с династией Хань, также потребовал, чтобы император вернул их яньчжи и нерождённого сына великого шаньюя Ивэйсе.

Император, бесстыдно оправдываясь, сказал:

— В моём дворце нет вашей яньчжи, и никаких хунну здесь нет. Мой брат был женат на вас много лет, и я не знаю, как он сейчас живёт.

Улэйжо, одетый в белую одежду кочевников, с тёмным лицом, полным ненависти, смотрел на императора и, наконец, произнёс:

— Если вы не можете вернуть яньчжи, верните, пожалуйста, маленького принца великого шаньюя Ивэйсе моей стране.

Император, разозлившись, ответил:

— Я сказал, в моём дворце нет никаких хунну! Правый князь Туци, не усложняйте!

Улэйжо в гневе воскликнул:

— Император Хань, разве вы забыли о соглашении с моим отцом?!

Император парировал:

— Я уже выполнил своё обещание великому шаньюю Ивэйсе. Если ваша страна хочет установить дружеские отношения с нашей, лучше заключить новый договор.

Улэйжо, в ярости, крикнул:

— Император Хань, как вы можете быть столь бесчестным и не уважать прежние соглашения!

Ханьские стражи в зале обнажили мечи, и император, усмехаясь, сказал:

— Времена изменились, надеюсь, правый князь Туци это понимает.

Сила хунну теперь была не та, что раньше, и Улэйжо, настаивая на своём, лишь унижал себя.

Улэйжо, оскорблённый на собрании, злобно смотрел на императора. Чжао Цзюэ, видя, как его бывший пленник, отпущенный красавцем, теперь требует возвращения, был вне себя от ярости, желая схватить его и заживо содрать кожу.

Улэйжо задержался в Лояне больше месяца, но не смог вернуть ни яньчжи, ни нерождённого сына Ивэйсе. На границе Ючжоу Иэрдань с двадцатью тысячами солдат стоял напротив ханьской армии, и между ними периодически происходили стычки.

В зале вновь началось бурление. Министры уговаривали императора не обострять отношения с хунну. Теперь, когда госпожа Чжаои беременна, а хунну уже не так сильны, как раньше, они советовали императору немного уступить, предложить больше выгод и просто отправить их прочь.

Госпожу Чжаои нельзя было отдавать, а нерождённого сына Ивэйсе нельзя было возвращать, его нужно было держать в заложниках. Император, послушав советов, с неохотой подарил Улэйжо нескольких красавиц в качестве компенсации за красавца. Император до сих пор злился на красавца за то, что тот отпустил пленника. Если бы не его мягкость, хунну никогда не осмелились бы открыто требовать возвращения, даже если бы догадывались, что красавец был захвачен ханьской армией.

Теперь же этот пленник стоял перед ним, и император только и мечтал убить его.

Красавец снова был заперт в Западном дворце, и император усилил охрану. Императорская гвардия окружила Западный дворец, сделав его неприступным.

Улэйжо дважды пытался встретиться с императором, но тот отказывал, тайно передавая, чтобы он поскорее убирался, иначе ханьская армия не пощадит. За эти два года гражданской войны хунну император усердно развивал страну, и благодаря миру, установленному красавцем, династия Хань процветала. Лоян стал ещё более величественным, и Улэйжо это заметил. Император теперь не боялся его.

Улэйжо, получив отказ, затаил злобу на императора. Этот подлый человек, воспользовавшись войной хунну, сжёг тело его отца, украл янчжи и нерождённого сына, а самого чуть не замучил до смерти. Отец был прав: ханьцы коварны, и только если направить на них армию, они уступят.

Улэйжо, не сумев встретиться с императором, понял, что задерживаться в Лояне бессмысленно. Однако, вопреки приказу шаньюя, он тайно пробрался в Ханьский дворец, чтобы забрать своего брата.

Во дворце были шпионы хунну, подготовленные двумя поколениями шаньюев. Они были преданы своему делу. Улэйжо, переодевшись в одежду дворцового стража, тайно проник в Западный дворец.

Той ночью Западный дворец был странно тих. Императорская гвардия окружила покои императора так плотно, что Улэйжо не смог подобраться ближе.

<http://bllate.org/book/16253/1462060>